

— Княгиня, как смеете вы прямо называть имя Драгоценной супруги? — служанка сердито дернулась, и презрение в её глазах наконец перестали скрывать. Она встретилась взглядом с Цзян Люем, в котором читался холод и убийственная ярость, и без стеснения нахмурилась. Нетерпеливо глядя на человека на кровати, который без конца кашлял, она фыркнула:

— Это великое неуважение, за такое отрубают голову!

Цзян Лююй продолжал тихо кашлять, почти не слыша следующее предложение служанки, но его лицо становилось все более бледным, как у призрака:

— ...Ха-ха... Кх-кх...

Его кашель еще не успел утихнуть, как за дверью послышался шуршащий звук шагов по снегу, а тут же последовал нежный женский голос, в котором звучал явный вызов:

— Похоже, кузен не боится, что ему отрубят голову.

Услышав этот голос, Цзян Лююй всем телом дрогнул, резко наклонился вперед и с кашлем выплюнул рот крови, бормоча:

— ...Цзян... Хуэй...

Дверь ветхого домика в Холодном дворце распахнулась, и вместе со снегом внутрь ворвался завывающий холодный ветер. Служанка, стоявшая спиной к двери, поспешно обернулась и с льстивой улыбкой опустила на колени перед ярко-красной фигурой, входящей в дверь, восклицая:

— Служанка приветствует Драгоценную супругу, да живет госпожа тысячу лет!

Входящий человек выдохнул облачко пара, плотнее укутав руки в горячую грелку, и с нахмуренными бровями окинул взглядом всё вокруг. Затем он нетерпеливо махнул рукой. Две служанки, стоявшие за его спиной в ярких нарядах, принесли стул, положили подушку и плотно закрыли дверь, сквозь которую дуло. Они поспешно устроили в комнате женщину с прекрасной и благородной внешностью, одетую в разноцветное платье с фениксами, с нефритовым украшением из белого стекла на поясе и золотой шпилькой-фениксом «Восемь сокровищ» в волосах, после чего тихо встали у неё за спиной, заодно подтянув с пола маленькую служанку.

— Уходите, я хочу поговорить с княгиней.

Цзян Лююй крепко вцепился в старое, запачканное кровью одеяло под собой. В его черных глазах бушевали бесконечная ненависть и убийственная ярость, худая грудь тяжело вздымалась, а губы, окрашенные кровью, произнесли с ненавистью:

— Ты...

— Не надо смотреть на меня таким взглядом, в глазах его Величества ты уже давно ничего не стоишь, — Цзян Хуэй говорила и немного наклонилась вперед. Горячее дыхание из её алых губ ударило в бледное лицо, на губах играла насмешливая улыбка. — Такая достойная смерть лучше, чем однажды получить приказ о казни от его Величества. Не так ли, кузен?

Ее слова еще не успели исчезнуть, как человек, лежавший на кровати, вдруг резко опустил голову и закашлялся еще сильнее. Бледные и худые пальцы дрожа поднялись, и прежде чем

женщина перед ним успела отреагировать, он впился ими ей в лицо. На её нежном личике тут же появилось несколько ярко-красных царапин, от боли она громко вскрикнула.

— Ах! Ты! Ты сумасшедший!

Служанки, стоявшие за её спиной, были так напуганы этой сценой, что бросились вперед. Одна из них поспешно стащила с кровати человека, который с безумным видом вырвался из её объятий, и подозвала двух других служанок, чтобы они схватили всё еще кашляющего Цзян Лююя. Сверкая глазами, она яростно посмотрела на человека, корчившегося на земле в приступе кашля:

— Госпожа, это...

Цзян Хуэй, которую поцарапали, в этот момент уже не было дела до разговоров. Она закрывала лицо и отступила на несколько шагов. Когда боль немного утихла, она поспешно позвала кого-нибудь осмотреть рану на лице и со злостью сквозь зубы прошептала:

— Прошло десять лет, его Величество сейчас, наверное, уже и не вспомнит о нем. Внутреннего господина, которого можно отпугнуть парой слов «княгиня», наверное, не будет большого урона, если он умрет от болезни. Подайте лекарство!

Цзян Лююй был придавлен к ледяному каменному полу двумя служанками необычайной силы. Он ощущал острую боль, распространяющуюся от колен по всему телу, от чего еще громче закашлялся в пояс. Темно-красная кровь постоянно текла из уголков рта, постепенно растекаясь по его бледной шее и снежно-белой нижней одежде.

— ...Кх... кх...

— Что, не можешь смириться? — Цзян Хуэй закрывала лицо и смотрела на него свысока. В её глазах читалась такая жестокость и бесчувственность, каких он никогда у неё не видел, а на губах появилась насмешливая улыбка. — Внутренний господин Муюань, в этой жизни ты совершил немало ошибок... Но обо всем этом ты будешь медленно думать уже после того, как попадешь в ад.

Слова Цзян Хуэй еще не успели повиснуть в воздухе, как человек, полулежавший на земле, вдруг с хриплым голосом начал странно хихикать.

Он поднял глаза и неподвижно уставился на женщину, которая, закрывая лицо, от боли втягивала воздух. Улыбка на его губах была острой, как лезвие ножа. Прерывисто он произнес:

— Ты думаешь... он любит... тебя?

Услышав это, Цзян Хуэй вдалеке сначала слегка замерла, а затем на её лице промелькнуло презрение. Она продолжала говорить, втягивая воздух сквозь зубы от боли, а взгляд становился всё более злобным:

— Что ты again несешь этот бред, сумасшедший? Чувства между мной и его Величеством никогда не слабели, всё то время от Далун до Дацзинь. Когда его Величество вернулся в страну, кроме тебя, который всё это время был рядом с ним и служил щитом, первой, кого он привез, была я, вторая супруга Муюань!

Щит.

Услышав эти три слова, человек, kneeling на ледяном каменном полу, вдруг опустил голову и громко рассмеялся. Он смеялся до слез.

— Тогда... виню только себя... я был слеп...

Его слова оборвал хрипый кашель, затем всё его тело начало сильно трястись. Улыбка на лице исказилась до такой степени, что её уже трудно было назвать улыбкой:

— Цзян Хуэй... он не любит тебя... Я был императрицей... а ты... ты всю жизнь... всю жизнь... не будешь императрицей...

Как только прозвучали слова «императрица», словно были затронуты самые болезненные точки человека, который сидел вдалеке и закрывал лицо. Несмотря на шрамы, его прекрасное лицо потемнело, и когда он снова заговорил, голос прозвучал как крик, отчего руки служанок, наносивших ему лекарство рядом, дрогнули.

— Позовите людей, влейте ему лекарство, немедленно!

Перед глазами что-то заволочло, дыхание постепенно угасало, черные глаза, подобные жемчугу и нефриту, тоже медленно меркли, но уголки губ искривились в кривой улыбке.

В полной темноте ему, казалось, привиделась та длинная ладонь, державшая брачную чашу, те слегка припухшие красные губы человека, а также брови и глаза, скрытые во тьме.

Дойдя до сегодняшнего дня, как же он мог не понимать... кто именно довел его до такого состояния?

Служанка, стоявшая за спиной Цзян Хуэй, шагнула вперед, твердо удерживая чашу с горячим лекарством. Получив кивок от Цзян Хуэй, она уже собиралась влить лекарство в рот человеку, kneeling на земле, но как только служанка приблизилась, человек на земле с усилием открыл широко глаза и с искаженной улыбкой крикнул.

— ...Нань Цзинлун... Цзян Хуэй... я, Цзян Люй... даже став призраком... в следующей жизни... заставлю вас заплатить кровной мезтью! Его голос был пронзительным и безжалостным, его было слышно даже издали, словно крик призрака, у которого перерезали горло, проклинаящего перед смертью.

Перед глазами густая кровь, которую невозможно развести, но когда он снова открыл глаза, увидел лишь качающийся верх повозки.

Прежде чем он успел прийти в себя, сильная тряска, будто заставляющая сейчас же вырвать сердце и легкие, напугала маленькую служанку с косичками, сидевшую в повозке. Она поспешно спряталась в угол повозки, испуганно прячась за занавеской, и крепко ухватилась за другую служанку примерно своего же возраста, сидевшую рядом. Они обе начали дрожать, и это выглядело довольно комично.

Цзян Люй только что проснулся от кошмара и поднял глаза, увидев перед собой такую сцену. Он невольно опустил голову и поднял руку, впился взглядом в свою белую ладонь и слегка улыбнулся. В глазах, черных как нефрит, промелькнула темная тень. Он посмотрел на старшую служанку Чжу Юэ, сидевшую рядом, и приглушенным голосом спросил:

— Где Чжуй Юнь?

Чжу Юэ, услышав вопрос, немедленно кратко ответила:

— Наследник, Чжуй Юнь, следуя плану, как только был обнаружен, использовал повозку, в которой находились молодой господин и юная госпожа, позади нас, чтобы отвлечь погоню.

Цзян Лююй приподнял бровь:

— Когда?

Чжу Юэ на мгновение задумалась, словно в чем-то сомневаясь, но затем честно опустила голову и ответила:

— Полчаса назад.

Цзян Лююй посмотрел на сидящую рядом старшую служанку, которой было шестнадцать лет, на год старше его самого. Он только что очнулся от кошмара и с удивлением обнаружил, что вернулся на двадцать лет назад, в свои пятнадцать лет. Казалось, он сразу понял её тревогу и сомнения в этот момент, и голос его невольно стал мягче.

— Почему нас всё еще настигли, в твоём распоряжении была ошибка?

<http://bllate.org/book/17692/1650972>